

УДК 159.9
ББК 88.53
С84

John Strelecky

THE WHY CAFÉ

Copyright © 2003, 2006, 2011 by John P. Strelecky

RETURN TO THE WHY CAFÉ

Copyright © 2003, 2006, 2011 by John P. Strelecky

Стрелеки, Джон.

С84

Кафе на краю земли ; Возвращение в кафе / Джон Стрелеки ; [перевод с английского Э.И. Мельник]. — Москва : Эксмо, 2020. — 352 с. — (Кафе на краю земли).

ISBN 978-5-04-102276-1

Эта книга соединила два бестселлера Джона П. Стрелеки, «Кафе на краю земли» и «Возвращение в кафе», которые изданы миллионными тиражами и переведены на 30 языков. Каждый из нас время от времени задает себе вопросы: «кто я?», «куда я иду?», «счастлив ли я?». Но найти ответы и следовать своему собственному пути не так-то просто. Здесь вы найдете вдохновляющие истории о том, как избавиться от мимолетной суеты современного мира, отбросить страхи и сомнения и открыться для счастливых перемен.

УДК 159.9
ББК 88.53

ISBN 978-5-04-102276-1

© Мельник Э.И., перевод на русский язык, 2019
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

**КАФЕ
НА КРАЮ
ЗЕМЛИ**

Синь¹ — моей родственной душе
во всех делах.

Софии — той, кто вызывает
улыбку в моем сердце.

А также
Кейси, Майку и Энни

---

¹ С и н ь (в мифологии) — чудесная птица, исполняющая желания
(прим. ред.).

ПРЕДИСЛОВИЕ

Порой в момент, когда меньше всего этого ожидаешь (и, возможно, больше всего в этом нуждаешься), ты вдруг оказываешься в новом месте, с новыми людьми и учишься чему-то новому. Так случилось со мною однажды поздним вечером на темном, безлюдном участке дороги. Если вдуматься, ситуация в тот момент символизировала всю мою тогдашнюю жизнь. Как я заблудился на дороге, так заблудился и в жизни — я не понимал, куда двигаюсь и почему двигаюсь именно в этом направлении.

На работе я взял недельный отпуск. Моей целью было убраться подальше от всего, что связано с работой. И дело вовсе не в том, что моя работа была ужасна. Она не была ужасной. Конечно, в ней имелись свои неприятные аспекты, но не более. Просто я день за днем ловил себя на мысли: разве в жизни не должно быть нечто большее, чем сидение по десять-двенадцать часов в день в офисе? Главной целью такого сидения было получить повышение — а после него вкалывать по двенадцать-четырнадцать часов в день в том же офисе, но в собственном кабинете.

В старших классах школы я готовился к колледжу. В колледже я готовился к трудоустройству. После этого я тратил

свое время, прокладывая путь к вершинам компании, в которой нашел себе место. Теперь же я гадал: может быть, люди, которые помогали мне направить свои стопы по этим искоженным тропам, просто повторяли мне то, что когда-то кто-то твердил им самим?

В общем-то это были неплохие советы, но и не особенно воодушевляющие. У меня возникло ощущение, будто я действительно обмениваю свою жизнь на деньги, и эта сделка не казалась мне такой уж выгодной. Именно в этом озадаченном состоянии ума я и пребывал, когда обнаружил кафе «Почему вы здесь», или просто кафе «Почему».

Когда я рассказывал эту историю другим людям, они реагировали примерно так: «мистика» или «сумеречная зона». Последнее — отсылка к старому телесериалу, в котором люди попадали в места, на первый взгляд нормальные, но в итоге отнюдь не всегда оказывавшиеся таковыми. Порой — на какой-то миг — я ловлю себя на сомнениях в том, что мои переживания действительно были реальными. Когда это случается, я лезу в ящик своего домашнего письменного стола и перечитываю надпись на меню, что подарила мне Кейси. Эти несколько слов напоминают мне о том, насколько реальным все было.

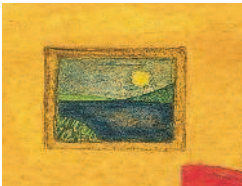
Я никогда не пытался повторить свой путь и снова отыскать это кафе. Какая-то небольшая часть моей души предпочитает верить, что не так уж и важно, насколько реальным был (или не был) этот вечер. Если бы я смог вернуться на то самое место, где я тогда обнаружил это кафе, то его скорее всего там бы не оказалось; единственной причиной, по которой я нашел его, была моя личная потребность именно в тот момент, именно в тот конкретный вечер найти его, — и только по этой причине оно и существовало.

Может быть, когда-нибудь я попытаюсь вернуться туда. Или, может быть, как-нибудь вечером просто снова окажусь перед входом. Тогда я смогу войти и рассказать Кейси, Майку и Энни, если они там будут, как тот самый вечер в кафе изменил мою жизнь. Как вопросы, с которыми они меня столкнули, привели меня к мыслям и открытиям, превосходящим все, что я воображал себе прежде.

Кто знает... Может быть, я проведу весь этот вечер в разговорах с другим человеком, который, как и я когда-то, заблудится и забредет в кафе «Почему».

Или я просто напишу книгу о своем приключении — и пусть она будет частью моего вклада во все то, ради чего существует это кафе.

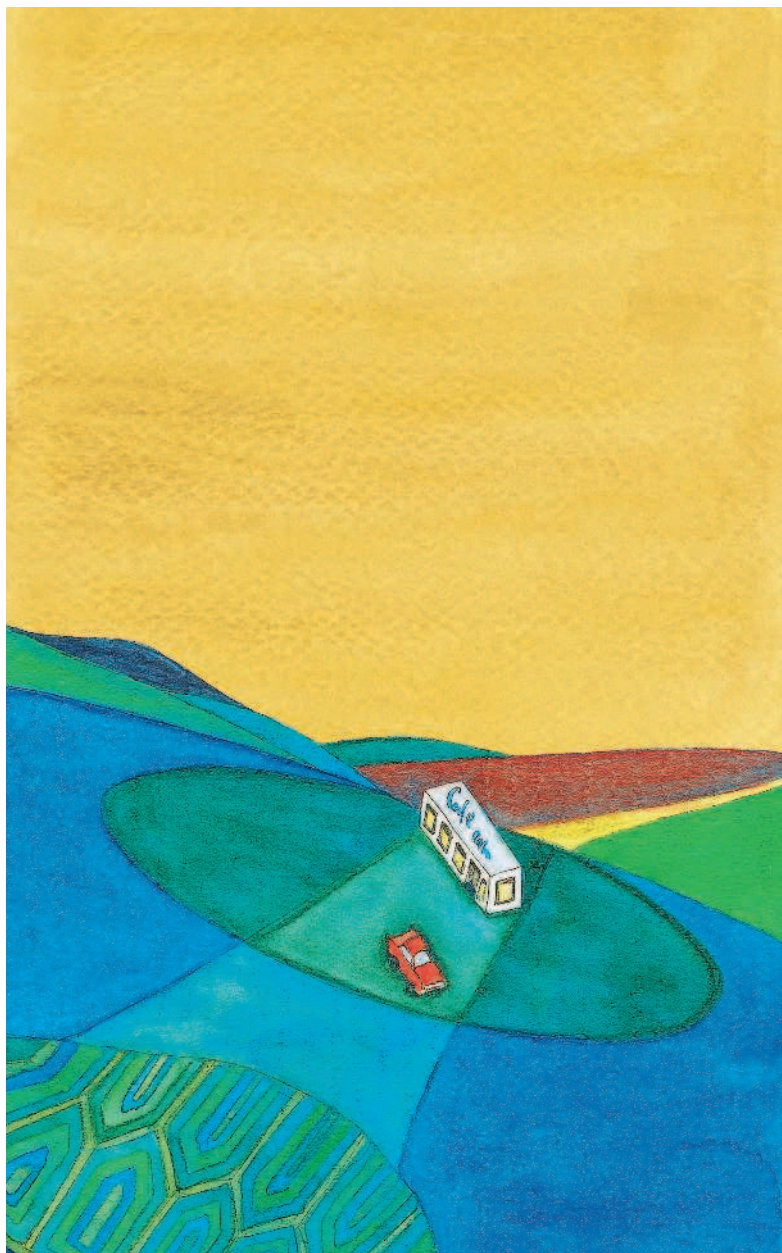
Машина ползла по федеральному шоссе в темпе, по сравнению с которым прогулка пешком стала бы равноценна гонке спорткаров. После часа в режиме «минуту едем, пять стоим» мы встали намертво.

Я нажал на радиоприемнике кнопку настройки и принялся искать хоть какие-нибудь признаки разумной жизни.

Не обнаружил.

После того как за двадцать минут никто не сдвинулся даже на полметра, люди начали выходить из машин. Толку от этого было мало, зато теперь все мы могли пожаловаться на жизнь кому-то за пределами салона собственного автомобиля — приятная смена обстановки.

Владелец минивена, стоявшего передо мной, твердил как заведенный, что его бронь в отеле снимут, если он не доберется до них до шести часов. Женщина из кабриолета слева не выпускала из рук сотовый, громко жалуясь кому-то на неэффективность системы автодорог в целом. Позади меня бейсболисты из юношеской лиги, набившиеся в машину как селедки в бочку, медленно, но верно доводили до ручки свою сопровождающую. Я, кажется, слышал мысли этой несчастной женщины, которая зарекалась когда-либо впредь добровольно брать на себя любые обязанности.

В сущности, я был маленьким участком одной большой ленты недовольства.

Наконец — еще через двадцать пять минут отсутствия движения — на газонной полосе посреди шоссе показалась полицейская машина. Через каждые несколько футов она останавливалась — наверное, офицер разъяснял людям, что происходит.

«Ох, — подумал я, — надеюсь, он догадался надеть бронжилет и каску».

Полные жадного предвкушения, все мы ждали, когда же он доберется до нас.

Полицейская машина наконец подъехала, за рулем, во-первых, оказалась женщина, а во-вторых, она сообщила нам, что примерно в пяти милях впереди перевернулась цистерна с потенциально токсичными веществами. Увы и ах, дорога полностью перекрыта.

Женщина терпеливо объяснила, что у нас есть два варианта: либо развернуться и попытаться счастья на альтернативном маршруте (хотя на самом деле никаких альтернативных маршрутов не было), либо дожидаться, пока дорогу расчистят, но на это уйдет не меньше часа.

Машина переместилась к следующей группе, я проводил ее глазами. Когда парень из минивена продолжил свои стенания насчет отеля и шести часов, мое терпение закончилось.

— Именно так всегда и случается, когда я пытаюсь куда-нибудь на время свалить, — пробормотал я себе под нос.

Потом я сообщил своим новым товарищам (я не знал их по именам, но нас связывала пространственная близость, на которой в детстве чаще всего основывается дружба), что предел чувства безысходности достигнут и я собираюсь поискать другой маршрут. Отпустив еще одно замечание о шести часах, владелец минивена освободил мне дорогу, и я пересек разделительную полосу. А потом начал двигаться в противоположном направлении.

ГЛАВА 2

В то время, прежде чем отправляться в поездку, я распечатывал маршрут из Интернета. Это казалось мне верхом разумности. «И никакая карта не нужна, — думал я. — Все, что мне надо делать, — просто следовать этим четким указаниям».

Но теперь от них не было никакого проку, и я включил телефон, чтобы загрузить карты. «Система недоступна» — раз за разом выскакивало на экране. Я со вздохом вспомнил старый добрый дорожный атлас, который некогда составлял мне компанию в дальних поездках. Зря я его выложил.

Поскольку теперь я ехал на юг, зная притом, что мне нужно двигаться на север, недовольство росло. Пять миль без съезда с шоссе превратились в десять, потом в двадцать, потом в двадцать пять...

— А к тому времени, как съезд найдется, это на самом деле будет уже не важно, поскольку теперь я понятия не имею, как добраться туда, куда мне надо попасть, — сказал я вслух самому себе, демонстрируя дегенерацию собственного ума.

Наконец на двадцать восьмой миле обнаружился поворот.

«Ох, и ничего себе! — подумал я, выворачивая на эстакаду. — Похоже, я оказался в единственном в мире месте, где

на перекрестке шоссе нет ни заправки, ни фастфуда, вообще ничего».

Посмотрел налево: пустыня.

Посмотрел направо: глаз радовала такая же безмятежная пустота.

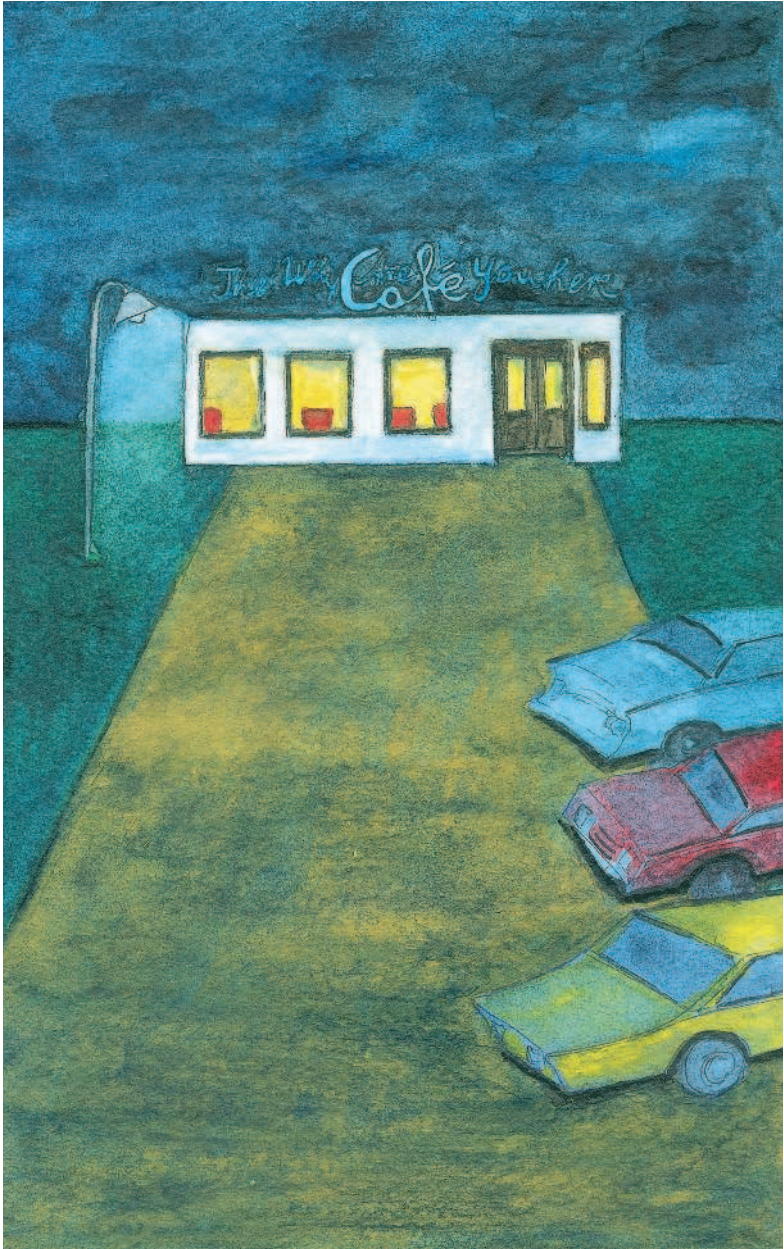
— Что ж, — пробормотал я, — похоже, тут и не важно, в какую сторону ехать.

Я повернул направо, мысленно отметив, что теперь еду на запад и что на следующем многообещающем перекрестке мне следует снова повернуть направо. По крайней мере, в этом случае я буду двигаться в сторону севера.

Дорога была двухполосная: одна полоса уводила меня дальше от того места, откуда я приехал, другая возвращала к нему. На самом деле я не очень-то понимал, по какой из них мне следовало бы ехать. Просто ехал, и все. Машин почти не было, как и признаков цивилизации. Время от времени я замечал какой-нибудь дом, пару семейных ферм, а потом и вовсе ничего, кроме лесов и лугов.

Час спустя я признал, что заблудился. Те немногие перекрестки, что мне попадались на пути, были незначительными либо помечены указателями того рода, которые сразу дают понять, что ты вляпался в неприятности. Когда не видишь ни единой живой души на протяжении сорока миль, а дорога, по которой едешь, носит название, начинающееся со слова «старый» (типа «Старое шоссе 65»), перспективы выглядят довольно мрачно.

На очередном перекрестке, который ничем не отличался от других, оставленных позади, я все-таки повернул направо. Это был акт отчаяния. По крайней мере, буду двигаться в верном географическом направлении, даже если не представляю, где нахожусь. К моему безмерному огорчению, название этой дороги тоже начиналось со слова «старая».

Дело было к восьми вечера, солнце опускалось все ниже над горизонтом. По мере того как день клонился к закату, уровень моей фрустрации поднимался к зениту.

— Надо было остаться на шоссе, — сказал я зло. — Подумаешь, потерял бы час! А теперь уже два зря потратил и до сих пор, черт возьми, не понимаю, где нахожусь.

Я двинул кулаком в потолок машины, словно она была виновата в моих злоключениях или это как-то могло помочь.

Еще десять, пятнадцать, двадцать миль — и по-прежнему ничего вокруг. Бензина у меня осталось меньше половины бака. Насколько я мог судить, такого варианта, как вернуться назад, для меня не существовало. В лучшем случае топлива хватит до эстакады, да и то при условии, что мне удастся найти это место. Да даже если и удастся, все равно там не было ни единой заправочной станции.

Единственным вариантом было потихонечку плаховать вперед в надежде где-нибудь заправиться и добыть еды.

Уровень моей подавленности продолжал двигаться в направлении, противоположном стрелке датчика бензина. Но я ведь, собственно, отправился в поездку, чтобы избежать депрессии. Мне ее с лихвой хватало и дома — проблемы на работе, бесконечные разборки со счетами, а в некоторой степени и вообще с жизнью. Предполагалось, что недельный отпуск — это мой шанс расслабиться и «перезарядить аккумуляторы». Очередное переживание неудач было мне ни к чему.

«Какое странное выражение, — подумал я, — “перезарядить аккумуляторы”... Перегорать, перезарядять, перегорать, перезаряджаться... О каком позитивном настрое тут может идти речь?»

Солнце уже полностью скрылось за линией деревьев, сумерки все больше заволакивали окрестности. Следы розового